

На гладком цементном полу мужчина проскользил еще несколько метров и со всего размаху врезался спиной в стеклянный прилавок. Лицо его исказилось от боли, поясница мгновенно онемела. По залу снова разнесся истошный визг — это опять закричала его женщина. Покупатели вокруг испуганно вздрогнули.

— Уби-и-ивают! — истошно завизжала девица.

— Убивают? Да ну, не может быть, — слышалось из толпы.

Услышав крики, люди начали испуганно разбегаться к выходам, а любопытные, наоборот, повалили толпой поглазеть на зрелище. Ван Сюань прижимал к себе жалобно поскуливающего Сяогуая. Сердце мальчика обливало кровью от жалости к питомцу. Убежать сразу они не успели и мгновенно оказались в плотном кольце зевак — в основном взрослых, из тех «неравнодушных» граждан, что вечно лезут в чужие дела и мнят себя вершителями справедливости.

— Что здесь происходит? — задыхаясь от бега, к толпе протиснулся дежурный администратор универсама.

— Они! Это всё они! — заверещала женщина, тыча пальцем в ребят. — Науськали своих псов на людей! А этот паршивец так пнул моего ненаглядного, что тот аж отлетел! Теперь подняться не может!

Как это — подняться не может?

Зеваки перевели недоверчивые взгляды на Гоуданя, а затем на Ван Сюаня с собакой на руках. Эти двое чумазых мальчишек?

Народ никак не мог взять в толк: то ли на людей натравили бешеных псов, то ли ребёнок избил взрослого мужчину. В историю с нападением собак поверить еще можно было, но чтобы малявка с одного пинка уложила взрослого мужика на лопатки — это уж слишком. Чушь какая-то.

Сладкая парочка уловила сомнение толпы. Они и сами понимали, насколько нелепо звучат их обвинения, но девица не унималась:

— Да они правда его избили! Он же встать не может, разве не видно? Ну-ка, помогите поймать этих малолетних преступников! Их надо в милицию сдать, пусть в тюрьме гниют! И за ущерб заставить платить!

Она так яростно грозила показать мальчишкам, где раки зимуют, что толпа сразу всё

поняла.

«А-а-а, — пронеслось по рядам зевак. — Понятно. Денег хотят страсти».

Мужчина из-за дикой боли соображал туго, и девица успела вывалить всё на одном дыхании. К этому моменту он и сам заметил косые взгляды. Да и как тут поверишь? Ему и самому, если честно, до смерти не хотелось признавать очевидное: получить от пацана такой нагоняй, что вздохнуть больно — позор на всю оставшуюся жизнь. Но спину ломило так, что искры из глаз сыпались.

— Я не вру! — взвизгнула девица и, потеряв самообладание, ринулась на Гоуданя. Она принялась остервенело лупить его сумочкой по голове и тянуть когти к лицу.

Люди из толпы еле оттащили разъярённую фурию. Гоудан нащупал ладонью затылок — ладонь окрасилась красным. Поцарапала, тварь, до крови.

«Мать её... — мысленно выругался мальчик. — Если бы не страх, что толпа навалится гурьбой и скрутит нас, я бы и эту мегеру пинком отправил в полет. Когда они наших собак избивали, она ведь усердствовала не меньше своего ухажёра!»

Оттащить-то её оттащили, но она продолжала сыпать проклятиями и угрозами, требуя немедленно позвать милиционера.

— Да он, похоже, и правда сильно ушибся, — загалдели в толпе, указывая на стонущего мужчину. — Может, врача позвать? В больницу его надо.

В те времена люди еще искренне радели за взаимопомощь и общественный порядок.

— Ребятки, вы и впрямь драку затеяли? — обратился к мальчикам какой-то пожилой мужчина. — Вы чьи будете? Родителей позовите. Эх, если собака человека цапнула или еще что — за лечение-то платить придется.

— И то верно, — подхватила какая-то тетка с авоськой. — Зачем вообще собак в магазин привели? А ну как покусают кого?

— Сяогуай не кусается! И Дагуай тоже! — испуганно затараторил Ван Сюань. При одном упоминании о деньгах у него внутри всё похолодело.

— С какой стати мы должны платить?! — Гоудан решительно заслонил собой Ван Сюаня и прижавшихся к полу псов. — Собаки никого не трогали! Этот тип первый набросился на нашего пса с кулаками! Пусть он сам нам за лечение собаки платит!

— Да она сожрать нас хотела! Как тут не ударить? — выкрикнула девица.

— Собаке — и лечение оплачивать? Курам на смех! — фыркнул кто-то из зевак.

— Да и вообще, зачем собак в людное место тащить? Тут дети, женщины, а ну как кинется?

— Вот именно! — поддакнула растрепанная барышня. — Псина на меня оскалилась, мой ненаглядный нас просто защищал!

— А она вас укусила? Нет! Была бы бешеная — вы бы тут целёхонькая не стояли! И почему это собаке лечение не нужно? Она живая, ей тоже больно! К тому же нигде не написано, что с собаками входить нельзя!

— Глупый ты, малец, — вздохнул благообразный старик в толпе. — Человека лечить надо, а собака... собака тварь бессловесная, перетопчется как-нибудь.

— Это кто тут бессловесный?! — вскинулся Гоудан. — Наш Сяогуай — верный пес! Он дом стережет, крыс ловит получше любого кота! А эти двое? Только и умеют, что силой перед детьми хвастаться да безобидных животных пинать! Собака смирно сидела, а они к ней полезли! Чужаки, что сдачи дать не может? А теперь еще и денег требуют! Да вы просто украсть её хотели, чтобы на мясо пустить!

Толпа неодобрительно загудела. Гоудан, поймав волну, добавил жару:

— Воров, которые собак на мясо крадут, вообще убивать надо! Ишь, вырядились как приличные люди, а сами — обыкновенные живодёры да воришки!

Мальчик строчил как из пулемета. Пострадавший мужчина, побледневший от боли и унижения, попытался вставить слово:

— Врешь ты всё... С чего бы мне... красть собаку на мясо...

— А кто вас знает! — перебил его Гоудан. — Личина-то у всех благообразная, а внутри гнильца! Если мяса захотелось, свинину на рынке покупайте, а на чужих дворовых псов зариться нечего! Мы его с щенячьего возраста кормили, растили, он у нас крысолов знатный, пользу приносит! А вы... эх вы!

— Вот убожество, — промолвил кто-то в толпе. — Взрослый мужик, а с детьми воюет.

Гоудан мастерски уводил разговор в сторону, не давая никому вспомнить про свой сокрушительный пинок.

Мужчина аж побагровел от злости. Он затаил на Гоуданя лютую обиду и попытался подняться, чтобы проучить наглеца, но резкая боль в пояснице лишила его сил. Зеваки, видя перед собой двух полуголых испуганных ребятишек, не спешили крутить им руки и тащить в милицию — дело-то тёмное, поди разберись, кто прав, кто виноват. Спутница его совсем растерялась под лавиной Гоуданевых обвинений. Если бы не равнодушные толпы и не тот злополучный пинок, надолго лишивший мужчину подвижности, ребятам сегодня точно бы несдобровать.

Ван Сюань видел, что Гоудан зубы заговаривать умеет, но толпа вокруг росла с каждой минутой. Раненый щеголь явно был местным, городским, и злобу затаил нешуточную. Мальчик понимал: надо уносить ноги. Если их поймают, то не просто заставят платить — собак наверняка пристрелят как бешеных. Скажут, что псы первыми напали, и поминай как звали верных друзей.

Долгие вечера, проведенные за рассказами дедушки Чжу и старика Чжана, не прошли даром. В голове Ван Сюаня вихрем проносились мысли. Благодаря природной сметливости и наставлениям Настоятеля, мальчик мгновенно сообразил: промедление смерти подобно.

— Ой, Сяогуа-а-ай! Не умирай, миленький! — показушно заголосил Ван Сюань, заливаясь горячими слезами. — Забили собачку до смерти! Точно сожрать хотели! Братик, что делать-то? Он же подыхает! Побежали скорее к лекарю! А-а-а-а!

Ван Сюань рыдал так истошно и горько, словно хоронил самого близкого человека. Сердца жалостливых прохожих дрогнули — люди всегда на стороне слабого и обиженного.

Слезы у мальчишки лились ручьем. Гоудан поначалу даже опешил, решив, что Сяогуаю действительно пришел конец. Но когда Ван Сюань чувствительно дернул его за рукав, увлекая к выходу, парень сообразил, в чем дело. Он подхватил на руки притихшего Дагуая и с надрывным воем начал пробиваться сквозь ряды зевак.

Опомнившаяся девица попыталась преградить им путь, но Ван Сюань принялся отпихивать её свободной рукой, надрывно выкрикивая:

— Прочь, злая тетка! Воровка! Живодёрка!

Улучив момент, он незаметно выудил из кармана щепотку особого порошка и сыпанул ей прямо под нос. Не успели ребята скрыться из виду, как девица зашлась в бешеном приступе чихания. Слезы и сопли брызнули из неё ручьем, голова пошла кругом. Она чихала без остановки, окончательно потеряв ориентацию в пространстве.

А ребята, крепко прижимая к себе раненых псов, уже неслись прочь из универмага, оглашая улицу отчаянными воплями:

— Спасите! Не умирай, Сяогуай!

Прохожие свистели им вслед:

— Ребят, вы не туда бежите! Больница в другой стороне! На север надо!

— Да не будь ты дураком, — осадил крикуна стоящий рядом мужчина. — Не видишь, что ли? Мальцы просто лазейку нашли и дёру дали.

— Как так? Значит, они и правда собак натравили, а потом мужика поколотили?

— Вовсе не факт. Маленькие еще, испугались шумихи, вот и припустили. Да и бог с ней, с правдой-то. Погляди, во что пацаны одеты — голь перекатная. А те двое — чистенькие, наглаженные. В нашем уездном городке у каждого второго какая-нибудь родня при должностях обретается. Если у этих пижонов найдутся влиятельные заступники, родителей этих бедолаг живьем сожрут. Продадут последнее, а с долгами не расплатятся.

— И то верно. Шустрые ребята, сообразили вовремя.

— Беднота... Жизнь рано выживать учит, вот умишко и варит.

Посудачив о справедливости и житейской мудрости, толпа потихоньку рассосалась.

Девушка с трудом помогла кавалеру подняться. Его новенький костюм был безнадежно испорчен пылью, а на брюках и пиджаке от трения о цемент остались некрасивые затяжки и прорехи. Набриоленные волосы растрепались. Вид у него был на редкость жалкий и нелепый. Черный от злости щеголь, заметив дружинника с красной повязкой на рукаве, прохрипел сквозь зубы:

— Срочно передай мужу моей сестры... На меня совершено нападение! Подозреваю враждебные элементы. Орудуют через двоих беспризорников, при себе имеют двух дрессированных бойцовских псов!

Дружинник, оценив потрепанный вид пострадавшего, перечить не посмел и поспешно кивнул. Поддерживаемый под локоть девушкой, мужчина заковылял к выходу.

— Ну ты и даешь... — зашипела девушка, как только они вышли на улицу. — Опозорился из-за какого-то сопляка. Трус несчастный! Это же просто ребенок!

Мужчина резко остановился, взглянув на спутницу с неприкрытой злобой:

— Если бы не твой длинный язык, я бы вообще в это не ввязался!

Заметив, как скривилось лицо спутницы, он вспомнил, какая выгода стоит за этим союзом, и поспешно умерил пыл.

— Ладно тебе, — буркнул он тише. — Я просто не ожидал от него такой прыти. Ничего, муж моей сестры этого так не оставит. Да и ты не забывай: наши отношения благословили муж моей сестры и твой отец.

Девушка недовольно фыркнула, но спорить не решилась и замолчала.

Ван Сюань тащил Сяогуаю из последних сил, тяжело и часто дыша. Несмотря на кличку, пес вовсе не был маленьким. Сяогуай и его брат Дагуай выросли крепкими, крупными кобелями. Ребята никогда не жалели для них еды, порой отрывая от собственного скудного пайка лучшие куски, поэтому псы выгодно отличались от поджарых, вечно голодных деревенских собак.

К тому же псы и сами умели добывать пропитание: ловили крыс, гоняли зайцев и караулили фазанов, так что мясо в их рационе водилось регулярно. Среди местных дворняг они слыли настоящими богатырями. Пока мальчик бежал в панике, тяжести не замечал, но стоило им остановиться, как колени предательски задрожали, а руки налились свинцом.

— Уф... от ужаса чуть дух не испустил... — Ван Сюань бережно опустил Сяогуаю на траву и без сил прислонился спиной к кирпичной стене. — Как думаешь, погоня за нами будет? Та девушка ведь не врала? Сказала, у неё родня в милиции, грозилась за решетку упечь.

— Похоже на правду, — угрюмо отозвался Гоудан, вытирая пот со лба. — При такой толпе врать бы не стала. В Управление по зерновым делам нам теперь соваться нельзя. Надо срочно уходить из города. Переждем на окраине, у дороги, встретим отца и вместе вернемся в деревню.

Прохлаждаться времени не было — ищейки могли нагрянуть в любой момент. Сяогуай тихонько скулил, поджимая раненую лапу. Гоудан спустил на землю невредимого Дагуаю, поудобнее перехватил раненого пса, и они быстрым шагом направились к окраине.

Добежав до места своей вчерашней ночевки за городской чертой, Гоудан благоразумно решил там не задерживаться. Он прошел еще около сотни метров вперед и юркнул в густые заросли придорожного кустарника.

— Переждем здесь, — шепотом скомандовал Гоудан, раздвигая ветки. — Отец с мужиками поедут обратно по этой дороге, мимо точно не проскочат. Сиди тут тихо с собаками и носа не высовывай, пока я сам тебя не окликну. А я побегу вперед, перехвачу их на выезде. Кстати, скоро полдень, в моем мешке лежат отцовские отрубные пампушки, поешь. И рану Сяогуаю осмотри.

Ван Сюань хоть и дрожал от страха, но упрямо кивнул:

— Ладно. Береги себя, братец Гоудан. Мы будем ждать.

Дагуай порывался побежать вслед за хозяином, но Гоудан шикнул на него и загнал обратно в кусты:

— Место! Охраняй А-Сюаня. Если кто чужой пойдет — чтобы ни звука!

Ван Сюань прижал пальцы к губам, давая понять, что всё понял:

— Счастливого пути.

<http://bllate.org/book/19654/1996713>